

ЭЛЬДАР САТТАРОВ

ЧАО, ВЬЕТНАМ

роман

ШОРТ-ЛИСТ
ПРЕМИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЕР

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Эльдар Саттаров

ЧАО, ВЬЕТНАМ

Москва • 2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6
КТК 610
С 21

Саттаров Э.

С 21 Чао, Вьетнам : [роман] / Эльдар Саттаров. — М. : Флюид ФриФлай, 2018. — 320 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Документальный роман Эльдара Саттарова посвящен трагическим страницам истории Вьетнама XX века. Впрочем, насколько трагическим, настолько же и героическим. Еще прежде чем перенести все ужасы американского нашествия, мужественный народ этой прекрасной страны отстоял свою свободу и независимость в многолетней и крайне жестокой борьбе с другими империалистами — фашистской Японией и голлистской Францией.

ISBN 978-5-906827-46-3

© Э. Саттаров, 2017
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018
© П. Лосев, оформление, 2018

Однажды утром я проснулся
и обнаружил оккупантов.
Прощай, красавица, прощай, прощай!

О, партизан, веди меня отсюда,
я чувствую — готов на смерть.
Прощай, красавица, прощай, прощай!

Bella ciao

Chào (неформ., сокр. от xin chào) —
универсальное приветствие
и прощание во вьетнамском языке.

РЕВОЛЮЦИЯ

1

Все началось из-за дождя. Дело в том, что у нас в Сайгоне за год сменяется всего два сезона — сухой сезон и сезон дождей соответственно. Поэтому, когда у нас заряжают дожди, то это всерьез и надолго. Ребенком я мог часами глазеть в окно на заливаемый тропическим ливнем асфальт, на уличных торговках, терпеливо переносящих атаки хлестко и часто строчивших с небес пунктирных нитей, сидя на корточках на тротуаре, прикрывая свой нехитрый товар и самих себя кто чем может — кто кусками материи, кто полиэтиленом, кто обрывками мешковины.

В сторону проспекта Катина¹ устремлялись велорикши, привычно крутя педали своими натруженными ногами, перевозя элегантно одетых француженок с огромными зонтами и их кавалеров в щегольских тренчах в сторону увеселительных заведений городского центра

---

¹ *Рю Катина* — главная улица Сайгона. Названа в честь французского маршала Николя де Катина, одного из основных военачальников короля Людовика XIV. (Здесь и далее комментарии автора.)

или на католическую мессу в Нотр-Дам де Сайгон². Чаще всего я наблюдал за красивой сорокалетней женщиной в традиционном аозае, наряде из белых брюк и длинного цветного платья с высокими разрезами до талии. Она приходила каждый вечер со стороны одного из тех ветхих домов, что до сих пор уживаются в нашем районе бок о бок с фешенебельными колониальными постройками а-ля Осман³. О ней говорили, что в прошлом она была дурной женщиной. Она за деньги спала с французскими мужчинами и богатыми китайцами из района Шолон⁴. Однажды под Рождество она привычно вышла на заработки и наняла себе рикшу. Вдвоем они провели всю рождественскую ночь, разъезжая по улицам Сайгона в поисках клиентов. Но в ту ночь ей почему-то не везло, семейным мужчинам было явно не до нее, а всех блудливых гуляк заранее разобрали шустрые конкурентки, так что под конец ей было даже нечем рассчитаться с рикшей, ведь она хотела заплатить ему из денег, заработанных за свои не востребуемые услуги. Что же касается рикши, то, проведя до этого весь день в напрасном ожидании клиентов, он ухватился за эту проститутку как за последний шанс заработать на угощение

---

² *Нотр-Дам де Сайгон* — католический собор в центре Сайгона, построенный в 1877–1880 годах.

³ *А-ля Осман* — в архитектурном стиле Жоржа Османа, французского градостроителя XIX в., во многом определившего облик современного Парижа.

⁴ *Шолон* — китайский пригород Сайгона, был основан в качестве отдельного города в 1698 году китайскими беженцами из империи Цин.

и нехитрые подарки для целой оравы полуголодных братишек и сестреночек. Под утро, узнав, что он так и остался ни с чем, рикша остановился на набережной Сайгона, отвернулся в сторону реки, насупился и долго молчал. Потом он смачно сплюнул и, постепенно распаляясь, начал высказывать этой женщине все, что наболело за долгие годы жизни впроголодь, все, что лежало у него на душе. В его словах не было ненависти, но они были полны такой неизбывной горечи, такого отчаяния, что всякому стало бы от них не по себе. Когда он резко обернулся, он увидел, что женщина сжалась в комочек на сиденье и беззвучно рыдает. И тогда он взглянул на нее совсем другими глазами, и сердце его открылось новому, неведомому до тех пор чувству. Внезапно ему захотелось увести эту женщину с панели, чтобы заботиться о ней и делать ее счастливой.

С тех пор как они поженились, она каждый вечер выходит на один и тот же угол и может стоять там и ждать его часами. Ближе к ночи рикша приезжает на этот угол после рабочего дня, утомленный, но странно довольный. Говорят, она стала очень верной женой.

Я привык подолгу сидеть у окна и наблюдать за прохожими и жителями квартала, потому что однажды, глядя именно в это окно, я увидел, как к дому, в котором я жил, идет мой отец. Он был в белоснежном костюме и белом канотье из кокосовой соломки с черной шелковой лентой. Он шел медленно, но решительно, слегка помахивая тростью и глядя прямо перед собой. Я уже слышал, что он многого добился в Париже, стал успешным адвокатом и открыл там свое дело, приносившее

ему свыше восьмидесяти тысяч франков годового дохода. Я помню, как потом они очень долго о чем-то говорили с дядей Намом на кухне, но, хотя под конец они начали говорить довольно громко, их слова все равно тонули в шуме вентилятора и криках соседей, устроивших в своем дворике петушинные бои. Я различил только последнюю фразу, когда входил к ним. Я четко помню, как дядя Нам не терпящим возражений тоном выкрикнул моему отцу: «Если я позволю тебе увезти Мишеля во Францию, красные из Вьетминя⁵ рано или поздно обязательно придут за мной, и тогда мне конец!» Мишель — это я. Нас всех — детей состоятельной прослойки жителей моего района — крестили по римско-католическому обряду и давали французские имена при рождении. Мы ходили во французские школы наравне с детьми из колониальных семей, прибывших из далекой метрополии. Потом мы, как правило, уезжали учиться в парижские университеты и зачастую так и оставались в столице. Как мой отец. Когда он увидел меня, он резко встал, подошел ко мне, присел на корточки, взял меня за руки и долго с какой-то обреченной нежностью смотрел на меня. В его взгляде было что-то пугающее, и мне стало не по себе. Тогда он неловко погладил меня по щеке, всучил леденец, вскочил, нахлобучил свое канотье, подхватил трость и стремительно вышел на шумную и знойную улицу. Дверь за ним захлопнулась, и в доме

---

⁵ *Вьетминь* — подпольная организация, созданная вьетнамскими коммунистами в 1941 году для борьбы против Японии и Франции.

опять стало тихо. Даже соседи уже утомонились. Я тогда не знал, что больше никогда его не увижу. Он же, я думаю, вполне это осознавал.

2

Моя мать происходила из старинного землевладельческого рода, чья генеалогия восходит к героям поросших бьялю сказов о феодальных битвах между кланами Чанов и Нгуенов, поделившими между собой весь Индокитайский полуостров в Средневековье. Она выросла очень красивой девушкой, ярко блиставшей в высших кругах кошиншинского⁶ общества, не оставляя равнодушным ни одного из окружавших ее мужчин, совершенно избаловавших ее своим вниманием и комплиментами. Нравы местной аристократии к тому времени уже совсем не отличались от придворных нравов метрополии времен галантного века. Она оставила моего отца ради дяди Нама, точно так же, как теперь она оставила дядю Нама ради видного революционера, одного из лидеров движения Вьетминь, с которым она теперь скрывалась в джунглях. Поэтому сейчас, в этот дождливый день, я и торчу здесь у окна, совсем один, и никому нет до меня дела. В один из таких дождливых дней я сбегу к ней, в джунгли.

Сколько я себя помню, я всегда бредил джунглями. В моих представлениях они всегда были синонимом буйства жизни — ведь там все растет очень густо, цветет очень пышно, размножается очень быстро. Когда я впервые

---

⁶ *Кошиншина* — старое название Южного Вьетнама.

выбрался в джунгли, там все так и оказалось! Бродя по лабиринту еле заметных тропинок, я оцарапал там ногу о куст, и рана не заживала очень долго. Джунгли начинаются совсем недалеко от окраины города, сразу после тянующихся вдоль шоссе рисовых полей и тенистых каучуковых плантаций. Никто из взрослых не знал об этой моей вылазке. Сбежав со школьных занятий, я приехал туда из города утром на велосипеде, с которым никогда не расставался в те дни. И все утро я, зачарованный, бродил среди густых зарослей в одиночестве.

Сегодня, когда мы шли из школы с Софи, моей названной сестрой, и старшекласником Рене, ее ухажером, я рассказал им по секрету об этой своей вылазке. Рене отругал меня. Он сказал, что я мог попасть на минное поле или под французскую пулю. «Нельзя туда соваться без партизанских проводников, — сказал он мне, — да и нечего тебе там делать, слишком мал ты еще». Я ничего ему не ответил, но про себя подумал, что хоть я и мал, зато у меня хватило смелости выбраться туда одному. Рене — парень серьезный. Он уверен, что когда-нибудь станет партизанским командиром, а сам еще ни разу в джунглях не был, боится. А я был. Там ощущался совершенно особый запах. Пахло победой. Победой жизни над смертью.

«Представь себе, что тебя бы там схватили и отвезли в Сюртэ⁷», — не унимался Рене. Представлять, честно говоря, неохота. «Если тебя забрали в Сюртэ, тебе капут»,

---

⁷ *Сюртэ* — Главное управление национальной безопасности Франции.

как любит говаривать дядя Нам, и он прав, тут уж ничего не попишешь. Когда человека привозят в известное желтое здание с наглухо закрытыми ставнями, что в паре кварталов от Нотр-Дам, его уже, как правило, больше никто никогда не видит. Человек после этого либо пропадает в тигриных клетках острова Пуло-Кондор⁸, либо его просто убивают без суда и следствия там же, в стенах желтого здания с наглухо закрытыми ставнями. Отчаявшиеся родственники могут потом годами его искать, а им в ответ, пожимая плечами, твердят одно и то же: отпустили, мол, после допроса на все четыре стороны, а куда он направился, это уж не наша забота.

Рене хочет стать партизанским командиром, мне же всегда хотелось стать таким, как товарищ Ань. Многие из нас тогда мечтали походить на товарища Аня. Это был однокурсник моего отца, который, изучая право в Париже, превратился за годы учебы в убежденного анархиста. Вместе со своим другом Тхе, еще одним товарищем из французской компартии, Ай Куоком, по прозвищу Хошимин, и двумя Фанами, парижскими интеллектуалами старой закалки, они в свое время поклялись стать Пятью Драконами будущей вьетнамской революции. Потом Хошимина и Аня выслали из Франции за подрывную деятельность. Первый по поддельным документам уехал через Берлин в Москву — постигать революционную науку, чтобы со временем стать профессиональным вождем кадровой партии. Второй же

---

⁸ *Пуло-Кондор* — тюрьма для политзаключенных на одноименном острове.

отправился в долгие пешие странствия по Италии, откуда и прибыл домой, в Сайгон, на палубе одного из торговых кораблей. Здесь он начал издавать на французском языке либертарную газету «Надтреснутый колокол». Его друг Тхе остался в Париже и стал активистом Межколониального союза, боровшегося за права коренных жителей всех колоний Франции.

В первый раз я увидел товарища Аня⁹ в кинотеатре сидящим в первом ряду на показе «Огней большого города» Шарло¹⁰. Тогда это был длинноволосый денди, одетый по последней парижской моде. Позади него сидели два офицера французской морской пехоты, капитан и лейтенант. В какой-то момент лейтенант схватился за спинку его стула, сильно ее потряс и громко сказал ему:

— Ты мешаешь мне смотреть, не видишь, что ли?

На что Ань со своей рафинированной восточной учтивостью ответил:

— Я не привык, чтобы со мной разговаривали подобным тоном. Если бы вы попросили меня вежливо, я был бы только рад подвинуться, чтобы вам лучше было видно экран.

— Ну так встань и подвинь свой чертов стул.

Ань, помедлив, ответил вопросом:

— Ты все-таки нарываешься на неприятности, морячок?

---

⁹ *Товарищ Ань* — Нгуен Ань Нинь, вьетнамский революционер (1900–1943).

¹⁰ *Шарло* — французский вариант произношения имени американского киноактера Чарли Чаплина.

— Да плевать я хотел на тебя, умник узкоглазый...

Буквально в мгновение ока Ань вскочил на ноги и, с быстротой молнии подняв стул за ножки над собой, ей-богу, готовился обрушить его на череп лейтенанта, в испуге отпрянувшего от него и закрывшегося руками, когда другие зрители остановили его, крепко схватив за предплечья, и силком вывели из зала. Кинотеатр, кстати, был битком набит французами, а вьетнамских парней там была от силы дюжина, не считая нас, детей. Но Ань, похоже, вовсе не думал о том, что возможное побоище будет настолько неравным. Такой уж это был человек.

3

Пока Анем владела ярость, он как бы не соображал, что делает. Внезапно он словно прозрел и увидел трясущееся лицо лейтенанта, вскинутые в защитном жесте руки над головой и понял, что его крепко держат другие кинозрители. Один обхватил его за спину, другой вцепился в стул, который Ань занес над головой, сжав в стальной хватке, а третий стоял перед ним и ласково, но настойчиво уговаривал его успокоиться и выйти с ними из кинотеатра. Ярость схлынула, и Ань покорно дал себя увести.

Уже на улице, по дороге к ближайшему кафе, он познакомился с молодыми матросами торгового флота Кузнецом, Шлангом и Стрижом. Они были одеты странно: в широченные штаны и длинные пиджаки с накладными плечами. Застенчиво посмеиваясь, они рассказали ему, что не так давно уже были в подобной передрыге, но не в Сайгоне, а в Америке.

— Мы как раз посмотрели «Золотую лихорадку» Шарло и только вышли из кинотеатра на Пико-Юнион, в самом центре Лос-Анджелеса... — рассказывал Стриж, паренек небольшого роста, с тонкими, деликатными чертами лица и прической «ежик».

Они расселись за низким столиком уличного кафе на бульваре Боннар, и Кузнец принес каждому по пивной кружке, наполовину наполненной рисовым самогонном.

— ...как вдруг нас окружила целая толпа пьяных американцев с других судов, стоявших в порту, — продолжил Стриж, кивком поблагодарив своего друга. — Они ни с того ни с сего начали нас жестоко избивать, осыпая расистскими оскорблениями. Мы настолько опешили, что только и смогли, что присесть на корточки, закрывая головы и крича: «Помогите! Мы ничего вам не сделали!» Но это их только раззадоривало, и они били и пинали нас дальше... Все резко поменялось, когда прибежал Хайфонец. Он отходил в туалет.

— А кто такой Хайфонец? — поинтересовался Ань.

— Это наш друг. Мы уже несколько лет на одних и тех же кораблях вместе с ним ходим, — протяжно объяснил Шланг, долговязый юноша с беглыми вороватыми глазками и длинными, нервными пальцами картежного шулера.

— А где же он сейчас? — спросил Ань.

— Как где, брат? Он в Хайфоне¹¹! Где ж ему еще быть?! — расхохотался Шланг, развеселив всю компанию.

---

¹¹ *Хайфон* — город на севере Вьетнама.

— Так что же произошло, когда прибежал Хайфонец? — не отставал Ань.

— Все изменилось, — серьезно ответил Стриж. — Все изменилось, и с тех пор все было по-другому... Хайфонец, как увидел, что нас бьют, сразу побежал в нашу сторону, вклинился в толпу и с ходу, косым коротким ударом в висок тыльной стороной кулака, повалил того, что, смеясь как лошадь, собирался пнуть меня. Когда тот упал на землю, опрокинув стоявших своих, Хайфонец так же быстро ударил второго, здорового детину, прямым ударом в солнечное сплетение и, выведя из строя двоих, тут же начал стремительно отбиваться локтями и коленями от набежавших на него со всех сторон гринго. В эту минуту нам стало так стыдно перед Хайфонцем, что, как по команде, мы вскочили и начали вместе, дружно отбиваться от тех, что нападали на него. Завязалась упорная драка, и, если сначала стало полегче, то уже через несколько минут я понял, что снова слабею под градом ударов, сыпавшихся на мою голову буквально со всех сторон. Ведь их было не вдвое или втрое, а впятеро-вшестеро больше, чем нас, человек тридцать, не меньше! Но в этот момент в наш переулок с обеих сторон начали забегать откуда-то взявшиеся мексиканские ребята с 38-й улицы и из Гавайских садов, и наше побоище сразу превратилось в настоящую кровавую баню для гринго. Теперь уже те в панике орали во всю глотку, призывая на помощь и умоляя о пощаде, плюясь кровью и зубами, но их били и били дальше. Большинство американцев просто легло на землю, чтобы показать, что не будут сопротивляться, но мексиканцы все равно

пинали их, да так ожесточенно, словно хотели, чтобы их родная мама потом не узнала. Я нашел в толпе того типа, который ударил меня первым, он упал передо мной на колени и начал хватать меня за руки, пытаюсь поцеловать их и твердя: «Sorry, sorry».

— И что ты сделал?

— Я сломал ему нос коленом, развернулся и ушел, а когда я оглянулся, один из мексиканцев что-то кричал ему в лицо, схватив за шиворот и приставив к горлу опасную бритву. Как я говорил, с тех пор все изменилось. В память об этом дне мы сшили себе такие же костюмы, как у тех мексиканских ребят¹², и с гордостью носим их, когда мы на побывке... А тебе, брат, все же надо спокойнее реагировать на провокационные слова. Это ведь просто сотрясение воздуха, не более того, оно ничего не значит в этой жизни.

— Ты пойми, Стриж, я не могу сдержаться, когда со мной обращаются так эти люди. Это мой город, мой район, а кто такой этот лейтенант? Кто он такой? Я ничего не имею против того, что он сидит и смотрит кино в моем городе, но когда он еще и оскорбляет местного только за то, что он местный, — это уже чересчур, вам не кажется?

— Да разве ж это оскорбление, брат? — задумчиво промолвил Кузнец, огромный тяжеловес с руками как кувалды. — Слышал бы ты, какими словами нас осыпа-

---

¹² Имеются в виду «зуты», костюмы, модные в 1940-х среди этнических меньшинств США — афроамериканцев, мексиканцев, итальянцев и филиппинцев.

ли те американские матросы. А ведь они тоже были на своей земле, в своем городе. По твоей логике они имели право так с нами обращаться?

— Ну во-первых, это не их земля. Лос-Анджелес — это исконная часть Ацтлана, так что на своей земле там были скорее уж те мексиканские ребята из Гавайских садов. Это если не говорить об индейцах.

— Брат, а ты много всякого знаешь, — сказал Стриж, закуривая папироску «Житан». — Хотелось бы с тобой побольше пообщаться.

— Я тоже на это очень надеюсь, друзья, — с жаром сказал Ань. — Приходите ко мне на Шарнье, 19. У нас с товарищами там небольшая типография, и два-три раза в неделю по вечерам после работы мы собираем всех наших друзей, чтобы вместе обсудить то, что происходит в нашей стране и в мире...

— Мы, наверное, придем, — Стриж вопросительно окинул взглядом своих друзей. Шланг лишь пожал плечами, а Кузнец утвердительно кивнул:

— Придем. Еще и Хайфонца приведем.

4

Уже находясь в Сайгоне, Ань часто вспоминал о своих пеших странствиях по Франции и Италии. Перед путником зачастую открываются истины, о которых лишь с трудом догадывается оседлый, неподвижный человек. Странствия способствуют озарениям, когда ты знаешь, что озарения эти скрыты в самом тебе. Впервые ему захотелось покинуть ставший душным в те летние месяцы

Париж после спора со старым Фаном, во время которого ему до одури захотелось глотнуть хоть капельку свежего морского бриза. Споры с Фаном зачастую порождали у него ощущение безнадежного тупика. Старый Фан был очарован Францией с ее Просвещением и Революцией, он верил в то, что новый свободный Аннам¹³ может быть рожден чуть ли не из союза с самими же колонизаторами, ведь в их Конституции записаны такие прекрасные принципы. Эти аргументы заставляли Аня задыхаться от ярости, его бесила упрямая слепота старого Фана.

— Поймите, дядя, ведь демократия — это обман, это ложь, при помощи которой держат в узде французский пролетариат. Свобода, равенство и братство существуют только на бумаге. Оглянитесь вокруг!

— Ничто не совершенно в действительности, — сухо отвечал старый Фан. — Но это не значит, что человек не должен стремиться к идеалу.

Они сидели в «Ротонде»¹⁴ на Монпарнасе. За соседним столиком двое пьяных вдрызг американца обсуждали некую Зельду. Судя по долетавшим до них обрывкам английской речи, обсуждаемая Зельда была женой одного из них и вытворяла какие-то совершенно невероятные вещи. Ань потянул свой галстук и вдруг рывком сорвал его. Столь же порывисто он поднялся из-за столика.

---

¹³ *Аннам* — название центральной части Вьетнама в годы французского протектората, с 1883-го по 1945 год.

¹⁴ «*Ротонда*» — знаменитое кафе в парижском квартале Монпарнас, любимое место космополитической артистической и литературной богемы Парижа 1920-х.

— До свидания, дядя, — сказал он. — Мне надо побыть одному.

Фан рассеянно кивнул, помешивая свой кофе и сосредоточенно рассматривая красные кленовые листья, усеявшие их стол.

Сначала Ань намеревался совершить лишь долгую прогулку по парижским предместьям, но, выбравшись из города через Булонский лес с посохом в руке и дорожной котомкой за плечом, сам того не замечая, он начал уходить все дальше и дальше вглубь провинции. В его сердце звучала грустная музыка стихов Бодлера. «И моя душа надтреснута, словно тот колокол, — думал он. — Она хочет наполнить своими песнями студёный воздух этих ночей. Ее слабеющий голос подобен стонам тяжелораненого солдата. Вот он лежит под горой трупов, на краю озера крови, и борется, борется, до тех пор пока он не умрет... Какие же это прекрасные слова! Как точно они отражают состояние души страждущих этой земли».

Лежа на песчаном каннском пляже, Ань вспоминал о старом Фане с какой-то обреченной жалостью. Сам он не верил ни в какой иной прогресс, кроме прогресса благосостояния правящих классов за счет растущей нищеты обездоленных масс. Размышляя о возможности изменить мир к лучшему, он верил лишь в индивидуальную волю, этот неподвластный рациональному толкованию феномен, способный на самые удивительные и непредсказуемые свершения. Будучи завзятым ницшеанцем, он в то же время абсолютно не разделял выводов философа о том, что индивидуальная воля направлена всегда лишь на завоевание власти над себе

подобными. Это казалось ему слишком мелким. Власть над людьми? Увольте! Ведь воля личности сильнее всего именно тогда, когда она направлена к свету свободы, когда ею движет творческий импульс к совершенствованию этого мира. Вот что такое воля. Но воли одного человека слишком мало — это все равно, что добровольно бросаться к молоху истории репрессивного государства.

Неудивительно, что при таком наборе мыслей наибольшим спросом статьи Аня пользовались в анархистской прессе Франции, особенно в газете «Либерте»¹⁵.

«Нужно единство индивидуальных воль — Союз равных, как у Штирнера¹⁶. Большевики смогли создать союз индоктринированных индивидов, кадровую партию, теперь очередь за нами, еще более свободолюбивыми людьми, теми, кто левее большевиков, — думал он, прислушиваясь к мерному шуму волн, разбивавшихся о берег. — Как же мне не хватает спутников! Не масс для поклонения, а равноценных товарищей по борьбе. Видит бог, они мне нужны не меньше, чем философу Заратустре, и, возможно, так же, как и он, я никогда не отыщу таких людей».

Его размышления прервал громкий всплеск. Это девушка, стремительно пробежавшая мимо него по песку, бросилась в море и поплыла навстречу волнам. Странно,

---

¹⁵ «Либерте» — старейшая французская анархистская газета.

¹⁶ Штирнер, Макс — немецкий философ, идеолог анархоиндивидуализма.

как он ее не заметил, погруженный в свои размышления? Он намеревался сделать лишь небольшую остановку в Каннах, как раз чтобы окунуться в море, перед тем как продолжить свой путь к итальянской границе. Еще по дороге из Лиона в Авиньон Ань твердо решил направить свои стопы в Вечный город. Между тем, немного поплескавшись в ласковых средиземноморских водах, девушка уже выходила на берег из пены морской, отжимая свои густые волосы и искоса поглядывая на иностранца. Она подошла к нему и запросто, доверительно спросила:

— Ты из Аннама?

Ань присел на песке и кивнул. Она улыбнулась.

Ее звали Марилу. Из-за нее он задержался на том пустынном пляже еще на неделю. Она приходила ближе к полудню, приносила с собой корзину с едой и запотевшей бутылью холодного белого вина. Она с интересом слушала обо всем, что творилось в голове у загадочного чужестранца, раскрывшего перед ней свою душу. В числе прочего говорил он с ней и о старом Фане, и о своем несогласии с ним.

— Я сам перевел Руссо¹⁷ на язык своей страны, Марилу, но я никогда не поверю в возможность социального контракта между властью и народом. Как можно всерьез утверждать, что избирательный бюллетень, брошенный в урну раз в несколько лет, способен подарить человеку свободу? Это же насмешка над здравым смыслом!

---

¹⁷ *Руссо, Жан-Жак* — французский мыслитель эпохи Просвещения, автор трактата «Общественный договор».

— Ты анархист, иностранец.

— Да, я анархист, если на то пошло! Народное волеизъявление — это не голосование за политических мошенников, нет! Это природное явление, способное перевернуть устоявшийся порядок, это дремлющее цунами творческой энергии.

— Ты мечтатель, иностранец.

— Марилу, да ты оглянись вокруг! Ты только подумай о том, что происходит сейчас в Советской России! Будущее уже здесь, с нами.

Она покачала головой.

— Мир не пойдет за Россией. Франция не пойдет за ней.

5

Жизнь Хошимина была самой бурной из всех Пяти Драконов. Едва достигнув совершеннолетия, но уже имея за плечами солидный багаж неприятностей с политическим сыском, отплыл из Сайгона в Марсель, нанявшись прислугой к судовому коку. Поскольку неприятности преследовали его и во Франции, оттуда он спустя пару месяцев тоже отбыл, все так же помощником кока, на корабле, идущем в Нью-Йорк. Жил в Гарлеме, потом в Бруклине. Вскоре поиски работы вынудили его перебраться в Детройт, где он устроился рабочим на автомобильной фабрике. Пожалуй, лишь одному ему из всех остальных кадровых революционеров жизнь индустриального пролетариата была знакома не понаслышке, и, видимо, она ему понравилась не особо, так как уже

через два года он опять собрался и пустился в плавание в обратном направлении, в Старый Свет.

Именно в Англии он впервые познакомился с «Капиталом» Карла Маркса, который штудировал долгими ночами, после утомительных рабочих дней в «Карлтоне», где трудился официантом. Эта книга перевернула всю его жизнь. Когда начались неприятности, связанные с разрешением на работу в Великобритании, ему пришлось вернуться во Францию. В Париже он повстречал одного за другим остальных Четырех Драконов. Эти встречи стали судьбоносными не только для него самого, но и для всего народа Индокитая. К тому времени он начал неплохо зарабатывать, сотрудничая с различными парижскими газетами. Именно в качестве репортера он впервые познакомился с главным редактором «Юманите» Марселем Кашеном. Они разговорились во время профсоюзного шествия, по пути с площади Согласия на площадь Республики. Кашен был впечатлен глубоким подходом этого молодого выходца с Востока к теоретическому наследию Маркса.

— Вы не представляете, мой друг, как был бы рад Поль Лафарг¹⁸, услышав о вас. На днях я выезжаю в Москву, и не удивляйтесь, если у вас будут гореть в это время уши. Потому что я буду рассказывать о вас Ленину, Троцкому, Зиновьеву. Я расскажу о вас товарищу Кобе¹⁹ и товарищу Радеку²⁰.

---

¹⁸ *Лафарг, Поль* — французский марксист, зять Карла Маркса, муж Лауры Маркс.

¹⁹ *Коба* — псевдоним Иосифа Сталина.

²⁰ *Радек, Карл* — видный член ЦК РКП (б), секретарь исполкома Коминтерна, сторонник Троцкого, расстрелян в 1939 году.

— Вы очень добры, товарищ Кашен, — смутился Хошимин.

В тот же вечер Кашен пригласил Хошимина в «Селект», где представил его Торезу, Суварину и Гильбо²¹.

— Жму вашу руку, товарищ, — сказал Суварин, внимательно взглядываясь в глаза революционера. — Марсель рассказал нам о вас.

— Рад встрече, друг, — приветствовал его Морис Торез, молодой рабочий с точно таким же горящим взглядом, как у самого Хошимина.

Анри Гильбо лишь важно кивнул, но его улыбка была чрезвычайно радушной. Тот долгий зимний вечер начался с теоретических вопросов. Разговор новых друзей как-то сам собой завязался вокруг последней работы Ленина, «Детской болезни левизны», затем плавно перешел к партстроительству. Большинство высказывалось в пользу ленинской концепции «демократического централизма». Один лишь Суварин опасался, что такая практика способна привести к излишнему парламентаризму в работе партии и что при вынесении решений оказавшиеся в большинстве примазавшиеся к партии попутчики революции будут способны увести ее вспять. Хошимин помалкивал и внимательно прислушивался к разговору. Внезапно Морис Торез обратился к нему:

---

²¹ *Торез, Морис* — французский коммунист, генеральный секретарь ФКП в 1930–1950 годах; *Суварин, Борис* — французский коммунист, один из основателей и руководителей ФКП, критиковал Сталина, считал строй СССР государственным капитализмом; *Гильбо, Анри* — французский поэт, публицист, политик, один из основателей ФКП.

— Вот вы, товарищ Хошимин, так же как и я, и Борис, реально работали на фабрике, стояли у станка. Что скажете вы о революционной сознательности рабочих масс?

Хошимин прокашлялся и после непродолжительной паузы, во время которой он обдумывал свой ответ, медленно сказал, словно сделал заявление:

— Я убежден, что рабочие массы не обладают классовым политическим сознанием. Только партия профессионально подготовленных революционеров способна установить диктатуру пролетариата. Только диктатура пролетариата способна преодолеть власть капитала. Что же касается методов борьбы и партийной дисциплины, то пока в эмпирической реальности только большевистской партии удалось установить диктатуру пролетариата. А в большевистской партии рабочим методом является демократический централизм.

Все задумчиво закивали головами. В тот вечер они решили основать Французскую коммунистическую партию.

6

Я родился в год Тигра, когда у власти в Париже уже не первый год находился Антифашистский народный фронт, широкая коалиция из социалистов, радикалов и коммунистов из ФКП. Рабочее движение развернулось тогда в полную мощь, добившись, после целой волны забастовок и оккупаций, многих важных успехов. У кабинета Блюма²² были выбиты сорокачасовая рабочая

---

²² *Блюм, Леон* — французский политик, социалист, премьер-министр Франции в 1936–1937, 1938, 1946–1947 годах.

неделя, повышение зарплат от семи до пятнадцати процентов, оплачиваемые отпуска, право заключать коллективные договоры и многое другое. Сайгон по цепной реакции тоже охватили стачки. Бастовали арсенал, портовые грузчики, Трансиндокитайская железная дорога, трамвайные депо, прачечные. Нередко раздавались одиночные револьверные выстрелы — убивали жестоких плантаторов, несправедливых прокуроров, палачей из Сюртэ, как в ночи, так и среди бела дня, в толпе.

Товарищ Ань в то время с головой ушел в проект создания Индокитайского конгресса. Идея зародилась в ходе одного из собраний импровизированного кружка в типографии газеты «Надтреснутый колокол». Темой в тот вечер стало движение Ганди за независимость Индии. Услышав о том, как индийцы добились в свое время от англичан права участвовать в местных выборах, а потом даже смогли ввести своего представителя в британскую Палату общин, где он отстаивал интересы простого индийского народа, присутствующие расшумелись. Новые друзья, матросы, привели в тот раз с собой Хайфонца, очень сдержанного юношу, с непроницаемым выражением лица, который выказывал свой истинный, тигриный нрав лишь изредка, когда злился или был чем-то взволнован. Он и заговорил первым, весьма неожиданно, о том, что организация, схожая с Индийским конгрессом, могла бы стать первым шагом к построению коалиции по типу Народного фронта из метрополии.

— Вы сказали, что ваш друг — важный человек в одной из партий, что находятся у власти в Париже, — сказал он Аню, и, поскольку до этого Хайфонца молчал весь ве-

чер, все повернулись к нему и внимательно прислушались. — Почему бы нам не попробовать открыть свой филиал Фронта, наподобие местного представительства? У вас столько хороших идей, которые вы смогли бы донести до французского правительства, где вас наверняка услышат.

— Это не мой метод, — задумчиво ответил Ань. — Ты знаешь, мне ведь предлагали чин, когда я только прибыл из Европы. Губернатор Коньяк предложил мне должность мирового судьи и земельную концессию. Я отказался. Мне не нужна власть. Лично я никогда не вступлю в партию Хошимина, потому что я не верю и не поверю, что он действительно представляет чаяния простого народа. Но это тема для отдельного разговора...

— Но народ, — подхватил Хайфонец. — Народ мог бы воспользоваться такой властью, чтобы улучшить свои условия. В каждой провинции, в каждом округе, в каждом селе можно было бы организовать народные комитеты, которые прислали бы в Сайгон своих делегатов. Сначала мы бы собрали Индокитайский конгресс, потом мы организовали бы на его основе свой Народный фронт.

— Надо подумать, — согласился Ань. — Можно составить небольшой текст для листовки, отпечатать ее прямо здесь и распространить везде, где мы уже продаем «Надтреснутый колокол», — начать с депо Французской трамвайной компании, цехов табачной фабрики, ликеро-водочного завода в Биньтае, нефтебаз в Ньябе...

— В типографиях города, на вагоноремонтном заводе и на железных дорогах, среди водителей автобусов из Таншоннят, — подхватил главный редактор Эжен де ла Бати, наполовину вьетнамец по матери.

Честно говоря, по-моему, это была довольно оппортунистическая идея, чем-то смахивавшая на попытку выторговать крупицу суверенитета у Парижа для горстки политизированных, анархо-троцкистских активистов. В любом случае охранка из Сюртэ вскоре арестовала всех участников той встречи даже за этот невинный проект, обвинив их в сепаратизме и попытке «раскола и нарушения территориальной целостности нашей общей родины, Французской Республики». Их освободили только после прямого коллективного обращения местной интеллигенции к Леону Блюму. Премьер-министр пообещал провести радикальное обновление колониальной системы. Разумеется, он отнюдь не собирался отказываться от заморских территорий и солидных доходов, приносимых ими в республиканский бюджет, это понимали все. Ребята вроде Хайфонца и других матросов, спонтанно примкнувших к движению, тюрьма лишь закалила и укрепила в их выборе, в революционной борьбе. Они убедились, что демократия с их мнением не считается.

7

Как говорили в тот год в народе, «год Крысы — неприятности, год Быка — потери, год Тигра — зло». И в самом деле, по словам стариков, если в год Крысы урожаи поедала засуха, то в год Быка начались наводнения, а в год Тигра — репрессии. Именно в год Тигра правительство издало декрет о призыве двадцати тысяч местных стрелков для защиты Отечества от угрозы военной

агрессии со стороны фашистской Японии. Но вьетнамцы отнюдь не горели желанием идти под пули по приказу господ Блюма, Муте²³ или Даладье из далекого Парижа. Рекрутские агентства и военкоматы столкнулись с массовым уклонением. Самые отчаянные дезертиры пошли даже на членовредительство. В качестве генерал-губернатора в Индокитае впервые прислали военного — генерала Катру.

К тому времени войска императора Хирохито действительно вплотную сконцентрировались на границах Индокитая, планируя вторжение на остров Хайнань в непосредственной близости от вьетнамских территориальных вод. Сиам, стремившийся присоединиться к оси Рим-Берлин-Токио, в качестве охвостья, также выдвинул свои войска к южным границам Индокитая с другой стороны, надеясь оттяпать лакомые куски территорий Камбоджи и Лаоса. Японской пропаганде в тот период удавалось находить определенный отклик среди местных реакционеров. Они говорили о радикальном обновлении человечества, о счастливых временах, которые наступят с формированием Восточной лиги процветания, свободной и очищенной от западных колониалистов, под неусыпным оком Восходящего солнца. Аннамским националистам пришелся по душе лозунг «Азия для азиатов». Здравомыслящие люди понимали, что в действительности он подразумевает «Азию для японцев», горделивых наследников самураев и шогунов.

---

²³ *Муте, Мариус* — министр заморских территорий в правительстве Леона Блюма.

Влобовую столкнулись геополитические и экономические интересы разных держав — прибыли американских и британских предпринимателей стремительно падали в Шанхае и Гонконге. На самом деле речь шла о полномасштабной колонизаторской кампании, проводимой двумя старинными кланами, преобразованными в тресты, Мицзуи и Мицубиси.

Японская армия показала свое истинное лицо во время Нанкинской резни в Китае. Пресловутая честь самураев, о которой говорилось столько высоких, пафосных слов, была на веки вечные попорана и опозорена в дни оккупации Нанкина. Распоясавшаяся солдатня не просто подвергла тогда безоружное население города массовой, беспорядочной резне, выстраивая мужчин, чтобы оттачивать на них штыковые навыки. Их офицерики с видимым садистским удовольствием расправлялись со стариками, женщинами и детьми на глазах у их же семей, а ведь это противоречит любым мыслимым представлениям о поведении мужчины. Они вспарывали штыками животы беременных женщин и подвергали маленьких детей групповым изнасилованиям в извращенной, немислимой форме. Насиловали всех девочек старше четырех дней, а тех, что постарше, еще и калечили, отрезая половые губы, истязая, терзая ножами и тупыми предметами, превращая их половые органы в кровавое месиво, перед тем как, облив керосином, сжечь заживо. Ни один народ, ни одна культура, ни один из видов животного мира не допускают ничего подобного хотя бы потому, что такие действия противоестественны. Но орава прыщавых девственников из Японии, свих-

нувшихся от казарменной муштры и слепого повиновения, в своей нелепой, неуместной, подлой жестокости, казалось, стремилась поразить весь мир симптомами массового психоза, отравившего эту маленькую перенаселенную, милитаризованную страну. В самом деле, они будто бы задались целью доказать, что человеческое существо в своем бесчестье может скатиться гораздо ниже, чем воображали до сих пор. Парадоксальным образом почему-то именно те, кто больше всего одержим идеей сверхчеловека, зачастую претерпевают подобную деградацию, являя миру четкую клиническую картину состояния низшей формы развития, недочеловека. Военные преступники из японской армии потом предстали перед судом и были приговорены к смертной казни, но это произошло лишь через долгих десять лет.

Дядя Нам, мой приемный отец, владел большим заводом по производству черепицы в Кантхо, примерно в сотне километров от Сайгона. В тот год он решил на всякий случай инвестировать кое-какой капиталец из своей заначки в небольшое, но прибыльное предприятие в черте города. Так, на первом этаже дома, в котором мы все жили, открылась курильня опиума «У Нама». В ней дядя Нам и познакомился с одной из своих регулярных клиенток, обворожительной опиоманкой Фын. У нее были зачаровывающие миндалевидные глаза, тонкие руки и густые, длинные волосы. Когда она смотрела, нездоровый блеск ее таинственных глаз словно бы рассказывал тебе о чудесах страны фей, в которой она жила, днями и ночами преследуя сказочных драконов, блещущих чешуей неведомых цветов. С ней дядя Нам

впоследствии обручился и провел несколько долгих и, возможно, в чем-то счастливых лет. Специально ради того, чтобы иметь возможность уединиться с ней, он снял комнату на бульваре Галлиени, неподалеку от рынка Бен-Тхань. Они лежали бок о бок сутки напролет на низких кушетках, сдвигаясь с места время от времени только за тем, чтобы приготовить очередную трубку опиума. В каждом движении тети Фын сквозило необъяснимое сладострастие. Она вытаскивала длинной иглой очередной шарик густого и вязкого вещества из фирменной жестяной баночки с изображением черной кошки, размазывала его по чашечке инкрустированной золотом трубки из слоновой кости и торжественно выпаривала его над свечой в свои легкие посредством нескольких благоговейно жадных затяжек. За бизнесом курильни присматривали понемногу все домашние. Дядя Нам только и делал, что валялся под кайфом целыми днями со своей красоткой. По-моему, они даже не занимались любовью, а только курили и валялись, бессмысленно глаза в потолок, на гипсовые орнаменты или на лопасти вращавшегося над ними вентилятора. Такими я их и запомнил. Они казались мне похожими на призраков из иных миров.

8

Сезон дождей закончился так же внезапно, как и начался. Настали погожие деньки. Ранним утром одного из таких солнечных дней, когда мы шли в школу с Софи и Рене, мы увидели на тротуаре мертвеца. Это был обыч-

ный парень, лежавший у стены рынка Бен Тхань в луже крови. Он лежал там, распластавшись как бесформенный куль, в нелепой позе, запрокинув лицо в небо и раскидав руки в стороны. Я успел заметить, что у него вывернуты и переломаны все пальцы, кожа покрыта ожогами, а лицо превратилось в один сплошной лиловый синяк. Вокруг пулевых отверстий темнели пятна подсыхающей крови. Над ним уже роились с назойливым жужжанием мухи.

Я невольно приостановился, но Рене, пугливо озираясь по сторонам, настойчиво потянул меня за рукав, шепнув:

— Пойдем быстрее отсюда. Это, должно быть, коммунист, расстрелянный Сюртэ на рассвете.

В свое время Даладьё²⁴, сменивший Блюма на посту главы правительства, договорился с Гитлером, что Франция не будет возражать против территориального передела Чехословакии в обмен на призрачные гарантии ненападения, те гарантии, что нацистская Германия не уважала и не соблюдала никогда, как это было известно всем. Французская публика, вместо того чтобы закидать Даладьё помидорами, встречала его из Мюнхена цветами. Когда же Молотов заключил схожий пакт о ненападении и разделе Польши с Риббентропом, Франция сочла нужным возмутиться, решив отыграться на собственных коммунистах, запретив их деятельность и подвергнув их самих суровым репрессиям. ФКП была

---

²⁴ *Даладьё, Эдуард* — французский политик, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938–1940 годах.

распущена, газета «Юманите» запрещена, весь ее тираж изъят из обращения. Помимо всего прочего, пакт оказался еще и удобным предлогом для того чтобы разделаться с сильным конкурентом внутри правящей коалиции. Вот тогда-то Сюртэ и сорвалась с цепи, начав самую настоящую облаву на коммунистов и у нас, в Индокитае. Правда, местные коммунисты благодаря этому только усилились, уйдя в подполье. Опираясь на низовые комитеты действия, сформированные еще во время движения за Индокитайский конгресс, они начали тихо и упорно, шаг за шагом, плести широкую сеть из подпольных революционных групп, постепенно опутывавшую собой Кошиншину, Тонкин²⁵ и Аннам. К ним примыкали самые разные люди, от высокообразованной франкоязычной интеллигенции до простых ребят вроде Кузнеца, Шланга и Стрижа.

Прошло не так уж много времени, как наступил черед Франции. Гитлер оккупировал ее в считанные дни. Та самая пацифистская публика, миллионы граждан, побросав свои дома и имущество, в панике устремились в сторону побережий, пока боши, чеканя шаг, входили через Триумфальную арку в Париж хорошо организованными колоннами, попирая подошвами кованых сапог Елисейские поля и тенистые бульвары Первого округа, под победный рев своей тяжелой бронетехники, пантер и мессершмиттов. Что касается Индокитая, то его судьбу решила относительная слабость нацистского флота. Фюрер признался дуче, что он оставил Империю

---

²⁵ *Тонкин* — старое название Северного Вьетнама.

за Францией лишь потому, что не желал отвлекаться на военно-морские операции в дальних водах. Это совсем не вписывалось в стратегию завоевания жизненного пространства на континентальных широтах. На свет божий извлекли престарелого маршала Филиппа Петэна, некогда победившего Германию во время Первой мировой, под Верденом. Тот присягнул на верность победоносным оккупантам и объявил коллаборационизм национальной политикой. Новая Франция должна была стать консервативной, аграрной и католической. К нам в Индокитай новоявленное правительство Виши²⁶ срочно назначило генерал-губернатором адмирала Деку, верного сторонника Петэна.

Через несколько дней после торжественной инаугурации адмирала агенты Сюртэ арестовали на одной из сайгонских улиц некоего товарища Биня, расклеивавшего листовки с призывами к «вооруженной борьбе против французского нацизма, не менее беспощадной, чем против японских фашистов». В тот же день в желтое здание с наглухо закрытыми ставнями привезли еще одного арестанта — Та Уэна, за месяц до этого бежавшего с каторги. При нем была обнаружена депеша с детальными указаниями от центрального комитета партии всем местным ячейкам. В частности, в депеше были обозначены адреса в центре Сайгона, по которым должен был быть обеспечен транспорт для перевозки людей, а также требующееся количество автомобилей.

---

²⁶ *Вишистский режим* — пронацистский режим во Франции в 1940–1945 годах.

Красными крестиками были помечены узловые пункты для возведения баррикад вроде рю Верден. Ниже прилагался список арсеналов, где следовало произвести экспроприации, с точными данными о количестве единиц стрелкового оружия и массе взрывчатых веществ, за которыми следовали адреса офицеров Сюртэ, шпииков, палачей, ответственных за убийства и пытки революционеров. Этим людям предписывалось ликвидировать на месте.

Два этих успешных ареста помогли Сюртэ срочно принять меры по усилению безопасности в центре Сайгона. Тем не менее хорошо подготовленное вооруженное восстание не замедлило вспыхнуть в десять вечера того же дня на окраинах Сайгона и Шолона, охватив собой практически все города и районные центры дельты Меконга. Повсюду были разграблены арсеналы, захвачены главпочтамты и административные здания со всеми их архивами. Казнены десятки шпииков и палачей. Повстанцы попытались перерезать мосты, телеграфные провода, линии коммуникаций.

Адмирал Деку, столкнувшись со столь теплым приемом, поспешил показать, что тоже не лыком шит. Он немедленно распорядился бросить в бой всю колониальную пехоту, части Иностранного легиона, расквартированные вокруг Сайгона, специальные подразделения Сюртэ и авиацию. Бомбардировки и плотный пулеметный огонь на земле накрыли всю Долину Джонок, выкашивая целые деревни, унося жизни тысяч мирных граждан.

— Мы здесь одни на защите Отечества, господи! Нас сорок тысяч против миллионов азиатов. Если мы сможем

победить, мы сослужим хорошую службу белой расе! — воскликнул адмирал Деку, принимая докладчиков после завершения операции по подавлению восстания.

— Простите, мой адмирал, — ответил один из присутствовавших, капитан, только что прибывший с Севера. — Но у меня чрезвычайно срочное донесение. В ответ на ваш отказ выполнить условия ультиматума японцев части квантунской армии вторглись в пределы Французского Индокитая в Тонкине и нанесли поражение нашим военным в Лангшоне. Наши славные войска понесли большие потери и были вынуждены капитулировать.

Деку внезапно помрачнел и отвернулся к окну, выходявшему на автосалон Бенье. Он оперся обеими руками на подоконник, мрачно разглядывая оживленную сутолоку на углу бульваров Боннар и Шарне. Кипя от негодования, он вдруг поймал себя на мысли, что невольно любит Сайгоном. Да, это было прекрасное творение французских рук, имперской эстетики, пересаженной на чуждую почву, в субтропики. «Как смеют аборигены претендовать на то, что мы уйдем и оставим им свою же собственность? — думал он. — Не они создали этот город, да и земля-то ведь не вьетнамская. Если на то пошло, они сами отняли эту землю в свое время у кхмеров, этого древнего народа, поклонявшегося индийским богам. Теперь вот япошки, новая напасть». После долгой паузы, проведенной присутствующими в напряженном молчании, он жестом подозвал адъютанта и буркнул:

— Что там у нас из Виши, Жак?

— Приказ маршала Петэна, мой адмирал. Вам предписывается немедленно заключить соглашение с друже-

ственной Японией о признании ее привилегированной роли и права на отстаивание своих интересов по всему Дальнему Востоку.

9

Толпы плохо вооруженных и безоружных французских колонистов маршировали по бульвару Боннар, стены домов которого были увешаны триколорами с гербами, изображавшими обоюдоострый топор древнегерманского племени франков и портретами маршала Петэна. Они вразнобой скандировали: «Родина! Труд! Семья!» Лучше всего им удавалось дружно орать в тысячи глоток: «Маршал, мы здесь!»

За ними стройными рядами следовали вьетнамские подростки. Это были отряды так называемой «Авангардной молодежи», собранные из отпрысков лояльных Франции богатых католических семей. Учившиеся во французских школах и посещавшие французские секции по футболу и регби, они не менее слаженно выкрикивали своими ломкими голосами: «Маршал, мы здесь!»

Деку вышел на балкон и в стиле Муссолини поприветствовал марширующие колонны римским салютом. По бульвару прокатился восторженный рев: «Адмирал, мы здесь!»

Деку не обманывался на их счет. При ближайшем рассмотрении, имея дела с местными французами, он не мог отделаться от брезгливого ощущения, что в Индокитае в свое время были слиты наиболее никчемные представители французской нации, люди без чести и до-

Содержание

Революция	7
Война	113
Социалистическое строительство	231
Эпилог	313

Литературно-художественное издание

Эльдар Саттаров

Чао, Вьетнам

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглая Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 19.12.2017. Формат 76x108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. XXX. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2

тел.: (985) 8000 366

www.fluidfreefly.ru

e-mail: fluid@gorodets.ru,

levental.bookshelf@gmail.com

интернет-магазин: gorodets.ru

Документальный роман Эльдара Саттарова посвящен трагическим страницам истории Вьетнама XX века. Впрочем, насколько трагическим, настолько же и героическим. Еще прежде чем перенести все ужасы американского нашествия, мужественный народ этой прекрасной страны отстоял свою свободу и независимость в многолетней и крайне жестокой борьбе с другими империалистами – фашистской Японией и голлистской Францией.

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

ISBN 978-5-906827-46-3

9 785906 827463